

...И пошёл на свадьбе дым коромыслом

Нет праздника – нет спектакля.
Е. Вахтангов.

Вы хотите отдохнуть? Просто отдохнуть, поднять настроение, посмеяться до колик в животе? Тогда осенью идите в театр. Ей-богу не пожалееете. Там дают «Сильное чувство» И. Ильфа и Е. Петрова. Вещь простенькая, можно даже сказать безделица, сюжет незамысловатый, без всяких заумствований, разных назиданий и всего прочего, что в народе зовётся философией. Словом – водевиль. А если водевиль, то это непременно нечто простое, развлекательное, праздничное.

Между тем водевиль – это очень простой жанр даже для актёров театров оперетты, музыкальной комедии или сатиры. Что тогда говорить о наших драматических актёрах. А вот, поди ж ты, играют задорно, весело, легко. И всё потому, что режиссёр-постановщик А. Иванов дал возможность актёрам продемонстрировать свою индивидуальность, профессионализм и как артистов драматических, и как комедийных, а некоторых и как хороших вокалистов.

К сожалению, и это надо признать, мало театральные режиссёры, которые могут хорошо работать с водевилем, музыкальной комедией, а всё потому, что к этим жанрам относятся как к чему-то второсортному. А Иванов – это тот режиссёр, который понимает значение этих «второсортных» жанров: в них есть возможность подарить зрителям радость, яркость, доброту, которые так нужны человеку. Без преувеличения: в день премьеры постановки «Сильное чувство» счастливы были и актёры на сцене, «купавшиеся» в своих ролях, и зрители в зале, постоянно сопровождавшие спектакль заразительным смехом и горячими аплодисментами.

Успех постановки, вне всякого сомнения, в том, что в одной точке сошлись музыка, пластика и драматическое искусство комедийного свойства. И в этом режиссёру помогли художник-постановщик А. Маркеев, художник по костюмам И. Сергеева, балетмейстер А. Копытинская, педагог по вокалу Н. Селиванова, звукорежиссёры И. Гуревич, А. Соболевский и П. Путьятин, обеспечившие музыкальное и световое оформление.

Исследователи творчества И. Ильфа и Е. Петрова обращают внимание на идеологическую подоплёку пьесы «Сильное чувство», находят параллели с внутрипартийной борьбой в тридцатые годы прошлого века, намекают на политические процессы по делам «контры», на перековку «вредителей» и «врагов» народа в ГУЛАГ. Для того времени всё это, действительно, было актуально, и, может, авторы и впрямь закладывали некий тайный смысл, но сегодня вся эта вековой давности политическая суэта не актуальна и публике не интересна. Поэтому театр сознательно не пошёл по этому пути, а предложил современному зрителю просто окунуться в анекдотический мир героев того времени и стать свидетелем того, как стремительно развивающийся сюжет приводит к абсурдной развязке феерической комедии.

Нельзя не заметить интертекстуальные связи «Сильного чувства» с чеховской «Свадьбой», которая по жанру тоже водевиль. И не только потому, что в основе сюжета обеих пьес – свадьба, где присутствуют иностранцы. Мало того, у Ильфа и Петрова есть персонажи Антон Павлович (А. Денисов) и Лев Николаевич (А. Марышев). Только на первый взгляд они кажутся «проходными», на самом деле именно они выступают в роли «пускового механизма»: о них иронически упоминается уже в самом начале спектакля («Лев Ни-

колаевич и Антон Павлович пьют, как звери»), они участвуют в развитии действия (становятся главными зачинщиками драки на свадебном застолье) и их репликами заканчивается водевиль («За счастье человечества! Верно, Антон Павлович?» – «Верно, Лев Николаевич. За человечество! Чёрт с ним!»).

Хотя они и бесфамильные и изображены карикатурно, утрированно, мы можем предположить, кого подразумевали авторы под этой комической парой. Тем более что в интерьере гостиной, где гуляют свадьбу, висят портреты Чехова и Толстого. «Вы знаете, я ненавижу ваши пьесы. Уж на что Шекспир был дурным писателем, но ваши пьесы ещё хуже, чем его», – признавался Толстой Чехову. Но можно вспомнить и мнение Островского о комедии Толстого «Заражённое семейство»: «...это такое безобразие, что у меня положительно завяли уши от его чтения». А теперь «сложите» эти высказывания, и вы поймёте, почему этот неразлучный дуэт появился в «Сильном чувстве».

Мистификация, подлог, жульничество, обман пронизывают весь спектакль. Так, молодой пажон Чуланов ради того, чтобы добиться благосклонности Риты, мечтающей найти жениха-иностранца («Я выйду замуж только за настоящего, европейского иностранца! Очень хочется пожить в коттедже у моря!»), угождает ей и приводит в первый раз киргиза, пытаясь выдать за японца-дипломата. А когда Рита разоблачает авантюру, он, несколько смутившись, заявляет: «Лучше я вам Утёсова приведу. У меня есть друг, который здорово знает Утёсова. Представляете себе, что это будет? Утёсов на свадьбе!». Но Рите нужен непременно настоящий иностранец. И Чуланов находит американца. Вот только в кармане у него вошь на аркане: оказывается, он приехал в Россию искать работу.

Узнав о положении мистера Пипа, все гости начинают игнорировать его, хозяйка дома усаживает его отдельно от других – он «инородный», чужой на этом празднике жизни, соответственно и отношение к нему наплевательски-уничтожительное, можно даже сказать барское. А он, до этого обласканный приёмом, ничего не понимая, стоит оторопелый и потерянный. Именно таким представил его в этой сцене М. Денисов.

Очень интересно выстроены роли Чуланова и Риты в исполнении В. Пичугина и Е. Главатских. Рита девушка энергичная, напористая и самоуверенная. Она брызжет молодостью, обаянием и не сомневается в силе своих женских чар. Под стать ей Чуланов – решительный, удачливый, страстный и хитроумный. Возможно, он намере-

но подвёл к Рите таких «невыгрышных» иностранцев. Неслучайно же она сразу признала в представленном ей японском дипломате киргиза из прачечной.

Примечательно, что мама (Т. Гордиенко), в отличие от категоричной Риты, человек тонко чувствующий и мудрый, мягкий и рассудительный, с самого начала считает, что Чуланов «вполне приличный молодой человек» и Рите подходит.

Забавным получилась фигура Бернардова, представленная Д. Пивоваровым: «инженер человеческих душ» с психологией мещанина. Этот пройдоха с одесским говорком, благодаря своему писательскому членству, бесплатно столуется в горкомовском ресторане; как «член Совнаркома» раздобыл «дефицитный» костюм; как член пожарного общества бесплатно получает молоко и жалует Рите, как ему тяжело жить, если приходится по три бидона возить на трамвае через город.

Из породы мистификаторов и доктор Справченко, чей образ воплотил на сцене М. Польшев. Актёру было комфортно в спектакле; через пластику и всплеск эмоций его персонаж наполнен остротой, жизненностью и даже умасбродством. А что, разве умасбродство не может быть смешным?

Как только доктор объявляет, что лечит своих пациентов буриданом, который «даёт поразительный эффект», к этому чудо-лекарству проявила особый интерес светская львица Сегедилья Марковна (Е. Лупачева), пожилая женщина обязательно впрыснуть его себе и мужу.

Современный зритель, конечно же, не знает ничего об этом «многоцелевом» препарате. Тогда же считалось, что он лечит умственную недостаточность, препятствует облысению, потливости ног и прочих мест. Его используют и как средство против бородавок и чесотки. И, разумеется, поднимает эротическую возбудимость. Словом, «лекарство от всех болезней», которое впрыскивают внутривенно. Когда же градус всеобщего опьянения значительно повысился, доктор разоблачает сам себя: «Никто не вылечивается. Наоборот, умирают! Шарлатан я. Шар-ла-тан!».

Глубоким, объёмным, с особым «шармом» получился образ Мархоцкого в исполнении Ю. Рослова. Ни дать ни взять – настоящий пахан. Его сын Стасик, жених, желая скрыть, что папаша отбывает наказание в заключение, обманывает гостей: «Папа приехал из санатория». Комизм положения в том, что, несмотря на многочисленные оговорки Мархоцкого, те не только принимают тюрьму за дивный санаторий, но и просят его посодействовать им в приобретении туда путёвки. Обман,

путаница и одурачивание раскрываются по ходу спектакля. Крепко поддавший Александр Витольдович произносит тост: «Стасик, это хорошо, что ты женился. Через месяц я выйду из тюрьмы. Будем жить все вместе. Я буду нянчить внучат».

И тут на «авансцену» выходит Ната (Ю. Польшева). Она ушла от прежнего мужа Лившица, горячо её любящего и на протяжении всего действия пытающегося вломиться в двери, к Стасику Мархоцкому (А. Кистерев) потому, что у него есть большая комната. Ната, которую возмутил не столько факт тюремного заключения Мархоцкого, сколько предстоящий в будущем дележ жилплощади, вдруг взрывается: «Он будет жить вместе с нами? В одной комнате?». А Стасик, понимая, что семейная лодка может разбиться о «квартирный вопрос», позорно выгоняет собственного отца, и тот с криками: «Скорей! Вон из этого ада! Назад, в тюрьму!» бежит из этого мещанского бедлама.

И всё-таки Стасик остаётся с носом. Ещё в начале действия Рита заметила, что Лифшиц гораздо лучше Стасика, что менять мужа из-за комнаты... А на её колкость: «Ф-фу, зачем же вы женились с таким нудным характером?» последовал ответ: «Я женился, чтобы отрегулировать половой вопрос».

Похоже, и большая комната не помогла. Ната вновь меняет мужа – теперь уже Стасика на Лифшица. Все по законам водевиля!

Актёры – люди эмоциональные и в А их профессию входит «оживлять» слова драматургов и наделять их своими чувствами. Что, в общем-то, это хорошо получилось у всех актёров, занятых в спектакле. Но водевиль – это особый жанр, основу которого составляют весёлые куплеты и танцы, которые наряду с интригой, так сказать, пружина действия. А поскольку И. Ильф и Е. Петров не «обеспечили» пьесу куплетами, то эту обязанность взял на себя режиссёр-постановщик А. Иванов, украсив спектакль «Сильное чувство» целым набором прекрасных песен: «Рио – Рита», «Неудачное свидание», «Весенняя песенка», «Моя Марусечка», «Школа бальных танцев», «Утомлённое солнце», «Куплеты шансонетки», «Сердце, тебе не хочется покоя», «О любви и дружбе». Песни эти, рождённые в 30-е годы прошлого столетия, любимы и сегодня, и потому многие в зрительном зале охотно подпевали.

Песни и танцы стали не просто украшением спектакля, но и своеобразным нервом водевиля, продолжением жизни героев в её стремительности, в её накале, в её страстях. Прибавьте к этому лёгкость диалогов, искромётность игры, и вы поймёте, сколько труда вложено режиссёром, артистами в спектакль, чтобы доставить нам удовольствие и радость.

Как же прав К. Станиславский: «Водевиль – это совершенно своеобразный мир, населённый существами, которых не встретишь ни в драме, ни в комедии, ни в трагедии!»

Вячеслав ПАНКРАТОВ.

Фото предоставлены Арзамасским театром драмы.